

3. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60–74.
4. Грановеттер М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10. — № 4. — С. 31–50.
5. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? : принт / Р. И. Капелюшников. — М. : Изд. дом Высш. шк. экон., 2012. — 76 с.
6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 121–139.
7. Н. В. Зубаревич. Социально-экономическое развитие регионов России к 2020 г. [Электронный ресурс] / Н. В. Зубаревич. — URL: <http://russia-2020.org/ru/2010/08/23/soc-ec-development-of-rus-regions/>
8. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Общественные науки и современность. — 2003. — № 2. — С. 5–16.
9. Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты / В. Степаненко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 2. — С. 24–41.
10. Штейнберг И. Е. Процесс институционализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дружеских обменах / И. Е. Штейнберг // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10, № 2. — С. 62–75.
11. Штейнберг И. Е. Психологи неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей / И. Е. Штейнберг // Вестник общественного мнения. — 2004. — № 6 (74). — С. 52–57.
12. Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology / A. Portes // Annual Review of Sociology. — 1998. — Vol. 24. — Pp. 1–24.

Информация об авторе

Рзаева Сабина Валеховна — аспирант, кафедра эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, ул. Ленина 61, e-mail: sapfirochek@gmail.com.

Author

Rzaeva Sabina Valehovna — PhD student, Chair of Empirical Sociology and Conflictology, Altay State University, 61, Lenin st., Barnaul, 656049, e-mail: sapfirochek@gmail.com.

УДК 947.1(5712.12)
ББК 63.3(2)614

И.Н. СТАСЬ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УРБАНИЗАЦИИ НЕФТЯНОЙ ЮГРЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ И ИХ КРИТИКА

В статье анализируются последние достижения историков в изучении градостроительного развития Югры в период нефтегазового освоения Западной Сибири в 1960–1980-х гг. С позиций критического подхода автор выявляет школы и традиции, а также минусы и плюсы выдвигаемых историками концепций и сюжетов урбанизации нефтяного региона.

Ключевые слова: урбанизация, Тюменская школа историков, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, индустриально-урбанистическое общество, традиционное расселение.

I.N. STAS'

NOWADAYS HISTORIOGRAPHY OF OIL-RICH YUGRA URBANIZATION: HISTORICAL PLOTS AND THEIR CRITICISM

In this article the latest achievements of historians in the study of Yugra town-planning development in the period of petroleum development of Western Siberia in 1960–1980s are analysed. On the basis of critical approach the author observes schools and practices; moreover, he observes pros and cons of theories and plots of petroleum district urbanization suggested by historians.

Keywords: urbanization, Tyumen school of historians, West Siberia oil and gas complex, industrialized and urbanized society, traditional resettlement.

В поисках новых направлений для исследований постсоветская историческая наука обратилась к изучению опыта развития восточных районов СССР и создания сибирских территориально-производственных комплексов, в стратегиях которых уделялось особое внимание городскому расселению. К сегодняшнему дню накоплен существенный запас исторических знаний по этой проблематике. Но дефицит здоровой научной дискуссии в региональной истории требует инвентаризацию подобных знаний. Поэтому целью данной статьи было критическое осмысление накопленного опыта в изучении урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — нефтяного региона Западной Сибири в период промышленного освоения в 1960–1980-х гг. Исследовательское поле статьи определяется только современными (вышедшими в постсоветское время) трудами представителей исторической науки.

Первое специальное исследование разработки и реализации градостроительной концепции в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) провела Н.Ю. Гаврилова в начале 1990-х гг. [6]. Она отмечала, что процесс освоения проходил в «урбанизированной форме», но градостроительная концепция не затронула проблему перспективы городов, а сложившаяся система расселения отражала территориальное размещение производства и сырьевую ориентацию освоения.

В начале 2000-х гг. вышли новые исследования Н.Ю. Гавриловой [5], в которых, помимо градостроительного освоения, были проанализированы количественные показатели урбанизации. Давалась оценка, что урбанизационные процессы имели «взрывной характер», о чем свиде-

тельствовали высокие темпы роста городского населения, которые не знал ни один регион страны. Эти изменения были обусловлены «интенсивным процессом градообразования».

Историк Н.Ю. Гаврилова полагала, что первоначально за основу градостроительства в регионе был взят традиционный принцип освоения — создание стационарных поселений с постоянным населением вблизи месторождений, а нетрадиционные формы расселения — создание вахтовых поселков — рассматривались как межрайонное перераспределение трудовых ресурсов. Одновременно с этим к концу 1960-х гг. были определены основные принципы градостроительства, и в качестве основополагающей была принята идея создания крупных современных городов в наиболее благоприятных для проживания местах, а обслуживание отдаленных от центров поселения промыслов предлагалось осуществлять вахтовым методом. С середины 1970-х гг. изменялись объемы и характер вахтового метода, который теперь использовался не только внутри региона, но и на межрегиональном уровне. Этот переход носил вынужденный и стихийный характер: в условиях включения в разработку небольших по запасам месторождений была очевидна неэффективность строительства постоянных поселений на каждом месторождении [2].

Таким образом, по словам Н.Ю. Гавриловой, при освоении региона сформировалась система расселения, основанная как на традиционном характере поселений с постоянным населением вблизи места приложения сферы их деятельности, так и на новой форме расселения, связанной с вахтовым методом. Спорно экстраполировать этот тезис на весь период освоения, и, по всей видимости, он верен для расселения после 1980-х гг. Историк сводила в одну градостроительную модель традиционный метод расселения (поселок при каждом месторождении), реализованный ведомствами в самом начале освоения, и схему «крупный город — вахтовый метод», принятую в конце 1960-х гг. Представляется, что эти два метода нельзя отождествлять, поскольку идея крупных (базовых) городов была выдвинута градостроителями как научная альтернатива набравшему силу ведомственному традиционному расселению. В авторской модели Н.Ю. Гавриловой традиционный метод в регионе преимущественно реализовывался до конца 1970-х гг., после чего создавалась система расселения, сочетавшая города (опорные и базовые) и вахтовые поселки. На наш взгляд, наоборот, в конце 1970-х — начале 1980-х гг. последовал возврат к традиционным методам расселения. Поэтому считаем, что точка зрения Н.Ю. Гавриловой требует дополнительных аргументов и верификации.

В совместной статье 2003 г., опубликованной в главном историческом журнале страны, Н.Ю. Гаврилова и В.П. Карпов [3] выделили три этапа в застройке и социальном освоении Севера Западной Сибири: 1) «Пионерный» (середина 1960-х — начало 1970-х гг.) — определялись опорные

города и поселки, принципы и характер застройки; 2) 1970-е гг. — расширение зоны освоения региона на территорию Дальнего Севера; 3) с начала 1980-х гг. — интенсивный процесс градообразования и изменения в системе расселения. Авторы усматривали в ведомственности серьезное препятствие в комплексном развитии, из-за чего города застраивались методом «хуторского хозяйства». Историки вводили в научный оборот категорию, которая проявилась в практике освоения Западной Сибири, — «города-ведомства» [4].

В начале 2010-х гг. Н.Ю. Гаврилова и В.П. Карпов обратились к исследованию социокультурного пространства ЗСНГК на микроисторическом уровне [10]. В этом контексте историки давали высокую оценку урбанизационному развитию: масштабные процессы индустриализации и урбанизации Тюменского Севера изменили коренным образом не только все стороны общественной жизни в регионе, но и жизненный уклад населения, его повседневность и менталитет.

Историк В.П. Карпов в своих трудах акцентировал внимание на неустроенности городов: обычной картиной Тюменского Севера в 1960–1980-х гг. были временки. Практически все города и поселки, вызванные к жизни индустриализацией Тюменского Севера, начинались с вагончиков, балков и барачков [11]. Один из главных тезисов В.П. Карпова был обращен на эволюцию человека в нефтяном крае: если в 1950–1960-х гг. первопроходцы были готовы к лишениям и трудностям и лучшие это выдержали, то в 1970-1980-х гг. люди стали понимать, что превратились в заложников процесса освоения [8]. Эта эволюция может выступать убедительной и образной конструкцией урбанизации нефтегазового региона как движения от городов романтиков к городам реалистов.

В.П. Карпов совместно с философом М.Г. Ганопольским высказались против концепции «о перенаселенности» северных территорий, получившей распространение в постсоветский период [7]. Весьма спорным кажется утверждение авторов о том, что эта концепция опровергалась всем опытом социально-демографического развития Севера, в том числе и Тюменского.

Ученые выделили четыре этапа освоения: 1) отсутствие постоянного населения, ориентированное на индустриальное производство; 2) широкий разворот строительных работ, сооружение основных градообразующих промышленных предприятий; 3) функционирование основных предприятий, определявших экономическую специализацию района; 4) постепенное превращение индустриальных поселений в современные города с многочисленными экономическими, социокультурными и административными функциями. Отличительной чертой стало формирование расселенческих структур в непосредственной близости от месторождений, в местах труднодоступных, не всегда пригодных для постоянного проживания и осуществления трудовых функций в стационарных режиме.

Отмечалось, что заселение и градостроительство на Тюменском Севере действовало по принципу «сначала завод — потом город» [9].

Традиции тюменской школы индустриальной истории региона получили развитие в трудах Г.Ю. Колевой, в которых предлагалась новая версия истории строительства городов в ЗСНГК [13]. Согласно ее рассуждениям, основная тенденция в социальном развитии центров нефтегазодобычи заключалась в том, что поселки становились рабочими поселками, рабочие поселки — городами, но не все, а те, которые оказывались в районах интенсивно разрабатываемых месторождений. Так же поселки, мыслившиеся временными и вахтовыми, получали быстрый прирост населения и превращались в постоянные, а некоторые становились крупными городами. Эта тенденция была далека от первоначальной идеи освоения, предусматривавшей строительство несколько крупных городов, из которых отдаленные территории осваивались вахтовым методом. Поэтому на протяжении 1970-х гг., несмотря на интенсивный рост населения, сдерживалось развитие городов и поселков. Отмечалось, что строительство городов обуславливалось вводом в разработку месторождений: наиболее высокими темпами росли те города, которые располагались возле месторождений с большими добывными возможностями.

Историк указывала на то, что с последней трети 1970-х гг. значительно возросли объемы нефтегазодобычи, и развитие нефтяной отрасли стало сопровождаться вводом в эксплуатацию все новых месторождений, поэтому формировался принципиально новый подход, сводившийся к тезису строительства городов вблизи от мест приложения труда. С начала 1980-х гг. при одновременном увеличении вахтово-экспедиционного метода был принят курс на увеличение числа городов и поселков и прекращено сдерживание роста крупных населенных пунктов в нефтегазовых районах. Таким образом, Г.Ю. Колева не поддерживала версию традиционного метода как изначального выбора заселения. Акцентировалось внимание на отходе реальности от идеи, которая заключалась в синтезе «крупный город — вахтовый метод», что и обусловило строительство городов у месторождений. Гипотеза несоответствия образца и конечного детища в системе расселения ЗСНГК была впервые высказана в тюменской исторической науке.

Согласно Г.Ю. Колевой, города застраивались поэтапно: сначала временное жилье (вагончики, балки), затем сооружение домов в деревянном исполнении, и в конечном итоге — строительство домов в капитальном исполнении. Г.Ю. Колева, в отличие от других исследователей, видела в ведомственном подходе определенные плюсы — имея массу недостатков он все-таки позволял в достаточно короткие сроки решать, пусть не на самом качественном уровне, проблему обеспечения жильем, соцкультбытом, так как строили ведомства для своих. Вряд ли

можно поддержать эту точку зрения: ведь разве возможно, чтобы причина проблемы была и ее решением?

В работах Г.Ю. Колевой указывалось, что население ЗСНГК уже в 1960-х гг. было втянуто в интенсивно протекавшие процессы урбанизации [12]. По мнению ученого, урбанизация в нефтегазовом регионе проявлялась не только в росте городского населения, но и в возникновении новых городов, поселков городского типа. Такой подход был упрощенным, не брал во внимание многие индикаторы урбанизации.

Г.Ю. Колева положительно оценивала и считала правильным вектором курс на формирование постоянного населения в освоении районов нефтегазодобычи Западной Сибири. Такая точка зрения доминировала в работах тюменских историков — никто из них не высказался отрицательно по поводу строительства городов в экстремальных условиях. Тюменская школа историков так и не поставила вопрос о целесообразности строительства крупных городов в северных добывающих районах во главу угла. Учитывая, отмечаемую многими учеными, отсталость социокультурной городской среды в Югре в советское время, остается неясным, было ли возведение городов и формирование постоянного населения правильным решением.

Сургутский историк А.И. Прищепа изучал основные тенденции и эпизоды истории градостроения Сургута [16]. По его мнению, на начальном этапе градостроительства строительство городов осуществлялось в отсутствие концепции территориальной застройки региона [19]. Интенсивное градостроительство в Среднем Приобье определялось действием специфических факторов: геологическим — открытие и освоение нефтегазоносной провинции; природно-географическим; социальным — принятие традиционной схемы расселения градостроительного освоения нефтяной территории — создание стационарных городов с постоянным населением [17]. Таким образом, А.И. Прищепа соглашался с версией традиционного расселения на начальном этапе освоения.

А.И. Прищепа отмечал, что отсутствие четкой экономической стратегии освоения ЗСНГК обусловили хаотичность, спонтанность и неуправляемость застройки города, игнорирование проблем развития его социальной сферы на пионерном этапе [15]. Но основным недостатком градостроения в районах Севера Западной Сибири являлось неимение строительной базы [18]. А.И. Прищепа признавал особую роль архитекторов в городском развитии городов ХМАО [14]. Так, он называл Сургут продуктом деятельности Сургутского филиала института ЛенЗНИИЭП. Другие историки были не склонны придавать архитекторам субъектных функций.

Историк выделил два этапа в новейшей истории Сургута. Первый этап начался в 1957 г. с высадки геологоразведочной экспедиции Ф.К. Салманова в Сургут и продлился до конца 1970-х гг. Здесь мнение А.И. Прищепы расходилось с общепризнанным: большинство исследо-

вателей зачин градостроительного освоения видели в начале эксплуатации месторождений в 1964 г. Этап характеризовался бурными темпами «ведомственного строительства», приведшего к возникновению на территории города множества разобщенных поселков. Второй этап отличался созданием целостной застройки города в соответствии с генеральным планом 1979 г. и интенсивным становлением городской инфраструктуры с охватом территории от аэропорта до Оби, включая дачные и садовые массивы. Этот этап продолжается и в наши дни. Одновременно с этим в 1990-х гг. началось строительство уникальных зданий по индивидуальным проектам, формирование новых городских ансамблей, совершенствование сложившейся типовой застройки.

Новосибирские историки стали изучать социально-экономические процессы в Сибири в XX в. в рамках парадигмы модернизации, в основе которой был переход от традиционного преимущественно аграрного общества к современному индустриально-урбанистическому [1]. Историки признавали существенным достижением формирование в районах нового освоения Сибири, в том числе и в Югре, на основе территориально-производственных комплексов, индустриально-урбанистического общества.

Базируясь на этой концептуальной позиции, проблемы урбанизации были исследованы историком А.И. Тимошенко [21]. Согласно ее версии, если в 1960-х гг. за основу градостроительной политики в ЗСНГК принимались методы создания стационарных поселений до 100 тыс. жителей с постоянным населением (т.е. традиционный метод), то в 1970-х гг. с открытием месторождений на Крайнем Севере и с необходимостью форсирования добычи нефти и газа любыми средствами данные планы стали корректироваться. Теперь нефтяные города оценивались как «базовые», в которых должны были формироваться экспедиционно-вахтовые отряды. Именно в 1970–1980-х гг. вахтовый метод получил широкое распространение [22]. В целом А.И. Тимошенко полагала, что постепенно в процессе обсуждений и научных изысканий под давлением обстоятельств разрабатывалась модель расселения, которая состояла из трех групп поселений: опорные города — городские центры в южных зонах; базовые города — приближенные к местам разработки месторождений; вахтовые поселки и городки — располагавшиеся непосредственно в районах геологоразведки, нефтегазодобычи, транспортного строительства.

По мнению А.И. Тимошенко, к концу 1980-х гг. (большинство ученых выделяли конец 1970-х — начало 1980-х гг.) сформировалась новая модель освоения, которая с небольшими изменениями используется и в настоящее время. Эта модель предполагала как традиционные методы заселения и хозяйственного освоения, так и мобильные, экспедиционные, без сооружения дорогостоящих для северных условий постоянных стационарных городов и поселков. Вряд ли предложенная историком периодизация соответствовала действительности, поскольку новые

стационарные города и поселки постоянно воздвигались вблизи месторождений на протяжении 1980-х — начала 1990-х гг., и только социально-экономический кризис в стране в 1990-х гг. приостановил парад городских новообразований в ЗСНГК.

Иной сценарий развития системы расселения в ЗСНГК предложила московский историк М.В. Славкина [20]. В отличие от других историков, она указывала на важную роль вахтового метода уже на начальном этапе освоения. На местах, вблизи от нефтяных или газовых месторождений, строился вахтовый поселок, который должен был выполнять сугубо производственные функции. Нормальные же условия жизни создавались в городах, вокруг которых и группировались вахтовые поселки. Таким образом, согласно М.В. Славкиной, схема «вахтовый метод — базовый поселок» реализовывалась изначально. При этом историк была убеждена, что первую — вахтовую — часть плана было несложно выполнить. А вот со второй — городской — частью плана возникли трудности: первоначальные идеи создания прекрасных современных городов были заменены попытками в кратчайшие сроки обеспечить людей жильем, не принимая во внимание внешний вид и комфорт возводимых домов. Вряд ли можно согласиться с этими выводами, поскольку, как показывают исследования большинства историков, ни вахтовые поселки, ни города так и не были благоустроены.

Таким образом, в последнее время у историков увеличился интерес к городскому развитию в нефтедобывающей Югре. Наиболее всего преуспели местные историки Тюмени, которые, при всех различиях, высоко оценивали освоение края. Однако развитие городов рассматривалось только как часть процесса градостроительства. Отсутствовали системный и междисциплинарный подходы, что проявилось в узком толковании термина «урбанизация» или вообще его неиспользовании. Разногласия мнений главным образом проявилась в попытке ответить на вопрос о том, какая все же система расселения реализовывалась в ЗСНГК. Не поставлены все точки над «i» в проблеме взаимосвязи традиционного метода и схемы расселения «базовый город — вахтовый поселок» при освоении региона. Не развеяли историки и сомнения о разумности строительства в советский период моноотраслевых городов в северных условиях. Тем не менее анализ литературы по урбанизации нефтяной Югры показал, что даже в узкой региональной теме существует множество взглядов и интерпретаций.

Список использованной литературы и источников

1. Букин С. С. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе / С. С. Букин, А. А. Долголюк, В. И. Исаев, А. И. Тимошенко // Гуманитарные науки в Сибири. — 2012. — № 2. — С. 148–156.
2. Гаврилова Н. Ю. Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири / Н. Ю. Гаврилова // Налоги, инвестиции, капитал. — 2002. — № 1-2. — С. 230–237.

3. Гаврилова Н. Ю. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985 гг.) / Н. Ю. Гаврилова, В. П. Карпов // *Налоги, инвестиции, капитал*. — 2002. — № 1-2. — С. 238–244.
4. Гаврилова Н. Ю. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960–1980-е годы) / Н. Ю. Гаврилова, В. П. Карпов // *Отечественная история*. — 2003. — № 5. — С. 111–118.
5. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.) / Н. Ю. Гаврилова. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. — 283 с.
6. Гаврилова Н. Ю. Формирование и функционирование социально-бытовой инфраструктуры нефтегазового комплекса Западной Сибири (1964–1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Екатеринбург, 1991. — 23 с.
7. Ганопольский М. Г. Проблема роста и закрепления населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / М. Г. Ганопольский, В. П. Карпов // *Горные ведомости*. — 2013. — № 2 (105). — С. 92–97.
8. Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига / В. П. Карпов // *Родина*. — 2012. — № 8. — С. 20–23.
9. Карпов В. За туманом и за запахом тайги? Проблемы заселения нефтегазового Тюменского Севера / В. Карпов, М. Ганопольский // *Родина*. — 2013. — № 2. — С. 74–76.
10. Карпов В. П. Повседневность Тюменского Севера в 1960–1980-е годы / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова // *Горные ведомости*. — 2011. — № 1 (80). — С. 84–96.
11. Карпов В. П. Советский человек в пространстве Тюменского нефтегазового Севера / В. П. Карпов // *Горные ведомости*. — 2012. — № 10 (101). — С. 74–90.
12. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.) / Г. Ю. Колева. — Тюмень : Вектор Бук, 2010. — 258 с.
13. Колева Г. Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы / Г. Ю. Колева // *Вестник Тюменского государственного университета*. — 2007. — № 1. — С. 237–244.
14. Прищепа А. И. Архитектурная и проектно-изыскательная работа в Сургуте / А. И. Прищепа // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* : в 2 ч. — 2012. — № 2 (16). — Ч. II. — С. 185–187.
15. Прищепа А. И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века / А. И. Прищепа // *Отечественная история*. — 2007. — № 2. — С. 95–100.
16. Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века / А. И. Прищепа. — Сургут : Диорит, 2005. — 256 с.
17. Прищепа А. И. Природно-географические и социальные факторы возникновения Сургута во второй половине XX века / А. И. Прищепа // *Северные рубежи истории: Мат-лы межвузовской науч. конф. с междун. участием*. — Екатеринбург; Сургут : Изд-во АМБ, 2012. — С. 133–136.
18. Прищепа А. И. Пять занимательных эпизодов из истории строительства города Сургута / А. И. Прищепа // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* : в 2 ч. — 2012. — № 3 (17). — Ч. I. — С. 137–140.
19. Прищепа А. И. Создание материальной базы строительства на севере Западной Сибири (вторая половина XX в.) / А. И. Прищепа // *Вестник Томского государственного университета. История*. — 2012. — № 4 (20). — С. 117–120.

20. Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. / М. В. Славкина. — М. : Нефть и газ, 2007. — 384 с.

21. Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. / А. И. Тимошенко. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2009. — 173 с.

22. Тимошенко А. И. Разработка и реализация жилищных программ в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. / А. И. Тимошенко // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX — начале XXI вв. — Новосибирск : Параллель, 2008. — С. 125–144.

Информация об авторе

Стась Игорь Николаевич — аспирант, кафедра истории и культурологии, Тюменский государственный нефтегазовый университет, 625000, г. Тюмень, ул. Республики, 49/3, e-mail: igor.stas@mail.ru.

Author

Stas' Igor Nikolaevich — PhD student, Chair of History and Culturology, Tyumen State Oil and Gas University, 49/3 Respubliki st., Tyumen, 625000, e-mail: igor.stas@mail.ru.

УДК 338(57)(091)
ББК 65.03(2Рос5)

В. П. ШАХЕРОВ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА В ОСВЕЩЕНИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируется новейшая историография экономического развития сибирского города в дореволюционный период. Определяется степень изученности основных аспектов городской экономики.

Ключевые слова: сибирский город, историография, экономика города.

V. P. SHAKHEROV

ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE PRE-REVOLUTIONARY SIBERIAN CITY IN THE COVERAGE OF THE NEW HISTORIOGRAPHY

Analyzes the latest historiography of economic development of the Siberian city in the pre-revolutionary period. Determined by the degree of knowledge of the main aspects of the city's economy.

Keywords: Siberian city, historiography, the city's economy.